© 1993 г., ЭО, № 4

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегах.

Часть четвертая *

Галерея лиц, прошедшая на предыдущих страницах,— это воплощенная в живых людях история советской антропологии в первые десятилетия после Октябрьской революции, но для нас эти люди важны прежде всего как многолетние коллеги Михаила Михайловича Герасимова, его друзья и знакомые, с которыми его связывали либо профессиональные, либо личные отношения. Характерная для Герасимова полнота восприятия мира и специфика собственной работы сталкивали его с чрезвычайно широким кругом людей, в числе которых были музыканты и врачи, историки и искусствоведы, литераторы и археологи. Этому способствовал и интерес, который вызывали личность Герасимова и его творчество. Но с антропологами судьба связала Герасимова особенно тесно, среди них он числился официально как заведующий Лабораторией пластической реконструкции Института этнографии АН СССР. Может быть, и не относились к числу самых близких Герасимову те люди, о которых рассказано на предыдущих страницах, но именно с ними он встречался почти повседневно, они были свидетелями успехов ученого и находились рядом с ним в трудные периоды его жизни. Герасимов без этих людей не был бы Герасимовым, как история советской антропологии не была бы полной без самого Герасимова.

Память сохранила их всех очень разными, в жизни они, надо думать, были еще более своеобразны, оригинальны, неповторимы, каждый отличался незаурядным талантом и большой творческой волей, каждый любил науку и верил в нее, каждый *делал* передовую науку, не щадя сил и здоровья. И каждый умел и любил показать себя, имел тот запас жизнестойкости, юмора, остроумия и экспрессии, который дает человеку возможность постоять за свою науку, защищать свои взгляды в научных дискуссиях, бороться за них против большинства и, наконец, просто демонстрировать результаты своей работы. У всех нас, молодых сотрудников института и посещавших его студентов, было ощущение, что нам повезло: мы оказались среди ярких, блестящих людей, которые не только сами живут чрезвычайно интересно, но делают интересной и жизнь окружающих. Поэтому рассказы об удачном докладе одного из маститых, остроумном споре на Ученом совете, ярком выступлении где-то за пределами института, публичной лекции, собравшей много людей, были обычны, и молодежь любила передавать друг другу последние новости такого рода. Передавались из уст в уста, как уже упоминалось, и удачные остроты, многие из которых были произнесены публично. Оживление и смех в зале во время общеинститутских собраний, будь то Ученый совет или

* Предыдущие части см.: Этнографическое обозрение. 1993. № 1—3.

М. М. Герасимов за работой; на переднем плане — «кривич» (реконструкция по черепу из кургана Одинцовского могильника)

производственное совещание, были таким же частым явлением, как тишина и напряженное внимание к словам докладчика.

Я не помню, просил ли я Дебеца познакомить меня с Герасимовым, но отчетливо помню свою радость, когда он предложил сделать это. Даже для меня, только что соприкоснувшегося с антропологией, имя Герасимова уже было полно смысла, его окружала известность, было ясно, что творчество ученого — оригинальное, ни на чье не похожее, а главное, создаваемые им портреты наших отдаленных предков и исторических лиц приближали их к нам, давали о них зримое представление, мы как бы входили в, если можно так выразиться, историческую толпу, которая казалась безвозвратно потерянной и которая (это отчетливо понималось!) должна была чем-то отличаться от современной. И облик наших далеких предков «прояснялся», когда вместо черепа перед тобой оказывалась выполненная по нему скульптура: примитивное и грубое лицо само по себе подчеркивало удаленность предковой формы от современного человека, ее эволюционную примитивность, для доказательства которой психологически не требовалось больше никаких морфологических данных.

Герасимов всегда заботился о доведении результатов своей работы до широкой аудитории, часто выступал с публичными лекциями и использовал все возможности для экспонирования своих скульптурных работ, охотно давал интервью корреспондентам газет. Многие считали, что именно это обеспечивало и известность ученого, и огромный интерес к его реконструкциям. Кое-кто уже тогда и завидовал его славе, посмеиваясь над его популяризаторской деятельностью и не понимая того, что деятельность эта приносила огромную пользу самой науке, а у

Герасимова отнимала много сил и времени. Думаю, что интерес публики к творчеству Герасимова проистекал не из знакомства с ним через выставки и газетные статьи — мало ли тривиального преподносится таким образом и не привлекает внимания. Поражали оригинальность самого дела, неожиданность и новизна того пути, который открыл Герасимов при подходе к прошлому, необычное соединение антропологии и скульптуры, которое он демонстрировал и возможность которого никто не мог даже предполагать, а главное, зримые результаты этого соединения. В учебнике истории для начальной школы и в школьном курсе дарвинизма говорилось о древнейших людях на территории СССР и древних предках человека, но никому в голову не могло прийти, что *их можно увидеть* и представление о них будет опираться не на свободный художественный вымысел, например картину Васнецова «Каменный век» или любое другое художественное полотно, а на объективное воспроизведение. Публика сразу реагирует на новшества, но умеет тонко различать подлинно новое от фальшивых претензий. Именно подлинной новизной достижений объясняются устойчивость интереса к личности и работе Герасимова, его и прижизненная известность и посмертная слава.

А известность была большой. Дебец, в те годы (1950—1951) работавший на Кавказе, любил рассказывать, как один азербайджанец, понаблюдавший над его измерениями, сказал: «А я знаю, что Вы делаете — Вы по методу Герасимова работаете!». И тот же Дебец часто повторял: если кто-либо из антропологов и заслуживает быть помещенным в энциклопедию, то это Михаил Михайлович Герасимов. В этих словах, говорившихся, не утаю, не без некоторой улыбки, сквозило неотвратимое признание бесспорных заслуг Герасимова, смешанное с чувством идущего из тайников души восхищения талантом, которому не грех было и немного позавидовать. Не помню, когда впервые я услышал фамилию Герасимова — в школе или на первых курсах в институте, но могу сказать с полной определенностью, что у интеллигенции конца 40-х — начала 50-х годов это имя было на устах: было известно, что есть человек, который работает над чем-то очень интересным, чрезвычайно важным для науки и, кроме того, существенным именно для русских людей и представителей других народов Советского Союза, которые могут посмотреть на своих предков. Именно поэтому я и воспринял с такой радостью предложение посетить семью Герасимовых, поэтому и помню до сих пор первое посещение Скатертного переулка.

Как Герасимов нес бремя своей славы, каково было его место среди незаурядных людей, о которых шла речь выше, как он относился к ним и как они относились к нему? При этом, естественно, важны не личные, а коллегиальные деловые отношения. О личных я уже говорил — люди тянулись к Герасимову, и он был очень добр к ним, отзывчив, а сочетание душевной теплоты и человеческого обаяния всегда привлекательно, поэтому к Герасимову старались приблизиться, его окружали вниманием и у него было много друзей. Стоит подчеркнуть, что Герасимов не пил спиртного и не любил выпивки, избегал холостяцких компаний, очень редко, практически только по официальным поводам ходил в гости один, но любил видеть друзей у себя. Тамара Сергеевна была очень гостеприимна, дочери — прекрасно воспитаны, живые и веселые, в их доме любой чувствовал себя хорошо и уютно, поэтому друзья Михаила Михайловича были и друзьями его семьи.

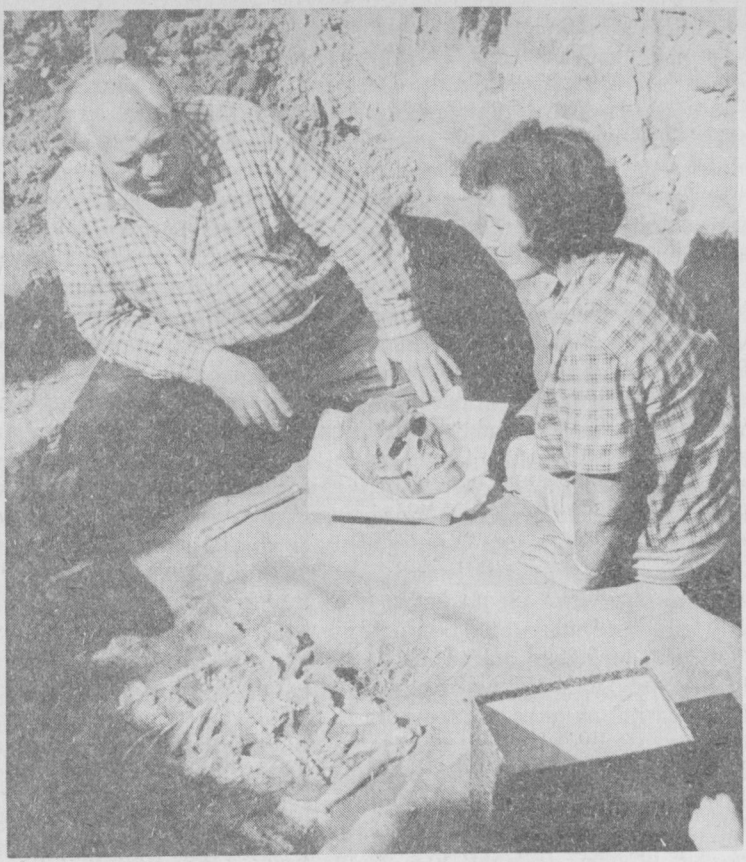
Деловые связи сложнее — они объемлют не только сходство интересов и взглядов, но и принадлежность к тем или иным научным направлениям и школам, единство оценок актуальных на данный период проблем науки, а также профессиональных качеств коллег. Несвободны деловые связи и от влияния личных моментов — люди везде и всегда люди, успех одного и неуспех другого могут не испортить взаимоотношений, но могут и испортить; наконец, научная этика (что *можно* в научном общении и научной работе) по-разному понимается и по-разному реализуется. Отсюда этические, а не только строго научные претензии друг к другу, отсюда какая-то замутненность профессиональных контак-

тов в любом самом здоровом коллективе, периодически возникающие конфликты, многие из которых разрешаются благополучно, а многие оставляют тяжелый след.

У Михаила Михайловича было дивное качество — я не помню, чтобы он когда-нибудь с кем-либо конфликтовал. Конечно, он далеко не всегда был доволен поведением коллег или полностью удовлетворен той или иной ситуацией, но не изменявшее ему чувство юмора и доброжелательность давали возможность стать на чужую точку зрения и если не оправдать, то понять человека, поступившего нелояльно, а иногда и просто пренебречь этим и уйти в работу. Поэтому интересно было наблюдать, как встречали Герасимова, куда бы он ни приходил,— радостно, с открытыми лицами и улыбками, чувствовалось, что от него ожидают чего-то хорошего и интересного и что он этот интерес никогда не обманывал: от него исходило тепло, а любой его рассказ даже о незначительной детали работы оказывался чрезвычайно интересным.

Когда мы познакомились, Герасимов был еще кандидатом наук, но уже возглавлял, как упоминалось выше, лабораторию, бывшую самостоятельной структурной единицей института. Это было достаточно высокое положение с официальной точки зрения — таких структурных единиц в институте было не более 10, но не этим, конечно, а неповторимостью творчества Михаила Михайловича определялось уважение к нему. Герасимов со всеми был ровен, спокоен, выдержан, но, сталкиваясь с противоположным мнением, упорно отстаивал свою точку зрения, не отступал ни на йоту, подкреплял свою позицию все новыми и новыми доводами. Любопытная и очень привлекательная черта научной аргументации Герасимова: он редко ссылался на литературу, хотя и это бывало; обычно же ученый опирался на собственные наблюдения, будь то археологический материал либо та или иная деталь строения ископаемого человека, которую он знал по подлиннику или муляжу. Через его руки прошло (в буквальном смысле) очень много разнообразных научных материалов, подлинных и оригинальных, в числе которых — орудия труда древних людей, анатомические препараты черепов и костей как далеких предков человека, так и древнейших людей с территории СССР и многое другое. Думаю, что по разнообразию прошедших через руки Герасимова материалов ему было мало равных. А выходящая за пределы человеческой наблюдательность и феноменальная зрительная память сделали свое: Михаил Михайлович знал массу деталей, мимо которых проходили другие специалисты, не придавая им большого значения. Знание этих деталей было поразительной и неповторимой особенностью ученого. Подобная уникальность, пожалуй, была не менее «ответственна» за его авторитет, чем оригинальность творчества,— мне много раз приходилось присутствовать при том, как все замолкали и с напряженным вниманием слушали, когда Герасимов начинал говорить о какой-нибудь ископаемой находке или о деталях того или иного археологического комплекса: каждый понимал, что непременно узнает что-то новое, с чем не обязательно согласится, но на что сам никогда не обратит внимания. Поэтому археологи охотно показывали Герасимову свои находки, ожидая услышать указания на ближайшие аналогии. Антропологи приглашали посмотреть тот или иной скелет или ознакомиться с добытой в ходе последних раскопок серией скелетов, рассчитывая и доставить удовольствие самому Герасимову, и обменяться с ним впечатлениями о каких-то не бросающихся в глаза, но важных для диагностики морфологических деталях. Анатомы и палеонтологи часто прибегали к консультации Михаила Михайловича относительно этиологии спорных случаев, и консультация всегда была не только ценной, но и стимулировала дальнейший поиск, открывающий дополнительные пути в данном конкретном исследовании.

Я рано узнал, что М. М. Герасимов не получил высшего образования. Видимо, несмотря на бурные революционные и послереволюционные годы, отсутствие высшего образования казалось случайным у людей его профессионального уровня, и об этом говорили. Считается, что систематическое образование необходимо человеку любой сколько-нибудь интеллектуальной профессии, тем более научно-



М. М. Герасимов и Г. В. Лебединская на стоянке Сунгирь (близ г. Владимира). Начало 1960-х годов

му работнику, и если оно не было получено в юношеские годы, то якобы не может быть потом восполнено. Часто цитируется при этом переписка Мечникова, в 19 лет экстерном за два года закончившего университет и потом всю жизнь сетовавшего на несистематичность своих знаний и отрывочность каких-то представлений вследствие «торопливого обучения». Пример Герасимова лишний раз показывает, как неповторим жизненный путь любого крупного человека и как мало подходит он под трафаретные рамки. Дело не только в таланте, который преодолевает в мгновенье путь, на который у других уходят годы труда, дело в умении выбрать из моря информации нужное, а именно это и создает подлинную научную эрудицию. Герасимов, например, не владел хорошо европейскими языками, но сведения на них, которые в первую очередь и нужны антропологу его профиля, а именно о находках ископаемого человека, знал блестяще. Недостаток книжных знаний им с лихвой восполнялся, как уже говорилось, изучением самого материала — муляжей ископаемых черепов и найденных с ними культурных остатков, стремлением использовать каждую возможность, чтобы познакомиться с подлинником.

Все сказанное в какой-то степени очерчивает то место, которое занимал Герасимов в науке его времени и которое принадлежало только ему. Когда он выступал по теоретическим вопросам антропологической науки, например участвовал в модных в 50-е годы дискуссиях о числе центров происхождения современного человека и высказывался в пользу моноцентрической гипотезы, согласно которой человек современного вида сформировался на базе неандертальского

вида где-то в центре Старого Света, в обширной области Средиземноморья и Передней Азии, его слушали так же, как других крупных и авторитетных специалистов, т. е. внимательно и заинтересованно, обсуждали его взгляды и аргументы, спорили с ним, возражали, одним словом, он был достойным среди равных. Но когда речь заходила о какой-нибудь важной фундаментальной детали структуры древних гоминид (так называют в антропологии ископаемых людей, транскрибируя по-русски латинское наименование семейства Hominidae) или о технических деталях обработки кремня палеолитическим человеком, Герасимов сразу же становился первым среди равных — столько никем не замеченных, но существенных мелочей он сумел увидеть и проанализировать. Когда Герасимов трактовал морфологические детали, все замолкали, это было его дело, его конек, здесь ему не было равных, и все, даже такой замечательный морфолог, как Бунак, безоговорочно признавали его первенство. Он не пользовался своим авторитетом, не любил «вещать», предпочитал обсуждение, но как-то само собой получалось, что последнее слово чаще всего оставалось за ним.

После первого посещения дома Герасимовых мы, естественно, стали раскланиваться, иногда обменивались при встречах незначительными фразами, но серьезного разговора вспомнить не могу: я почти ничего не знал, репутация у меня была довольно странная — студента-востоковеда, интересующегося этнографией и антропологией. Только Дебец и Левин угадывали серьезность этих интересов и способствовали их развитию: Дебец предложил поступить к нему в аспирантуру, а Левин добился места по этнографии Сибири. Экзамены удалось успешно сдать, я стал аспирантом Сектора антропологии Института этнографии, теперь по праву посещал его заседания, и мои встречи с Михаилом Михайловичем стали более или менее регулярными.

Аспирантов-антропологов тогда было меньше, чем теперь. За год до моего поступления в аспирантуру защитил кандидатскую диссертацию, подготовленную под руководством Дебеца, Малхаз Григорьевич Абдушелишвили, впоследствии профессор и заведующий Отделом антропологии Института истории АН Грузинской ССР. За год до меня были приняты в Институт антропологии МГУ три аспиранта, вместе со мной или годом позже в аспирантуру Ленинградской части института — один, Илья Иосифович Гохман, ныне заведующий там Сектором антропологии. Вот, пожалуй, и все. Естественно, что в этих условиях к аспирантам предъявлялись большие требования, уделялось им и большое внимание. Разговоры мои с Герасимовым приобрели профессиональный оттенок. Я с самого начала своей работы то ли под влиянием Дебеца, то ли по молодости отталкиваясь от традиционных и наиболее распространенных взглядов, высказывался в пользу полицентрической гипотезы возникновения современного человека. Михаил Михайлович терпеливо и мягко, но настойчиво убеждал меня в ее уязвимости. Отчетливо помню, что он не стремился приобщить меня к своей работе, видимо, полагал, что незачем отвлекать начинающего специалиста от избранной им области — палеоантропологии.

Познакомился я к этому времени и с сотрудниками его лаборатории. Они менялись, но две сотрудницы неизменно оставались его ближайшими помощницами и в научных, и в организационных делах — Галина Вячеславовна Лебединская, возглавляющая эту лабораторию сейчас, и Таисия Сергеевна Сурнина, недавно прекратившая работу из-за ухудшения зрения. Лебединская по образованию анатом, Сурнина антрополог, обе наделены художественным чутьем, рано овладели методом Герасимова и стали его практически применять, ими создана целая галерея реконструкций людей более поздних эпох, тогда как Михаил Михайлович в последние два десятилетия все глубже уходил в изучение ископаемого человека и восстановление портретного облика известных исторических лиц. Они принимали активное участие и в археологических раскопках, владея очень совершенными, разработанными Герасимовым вместе с ними методами консервации и реставрации костного материала. В годы моей аспирантуры они вместе с Гохманом буквально спасли для науки кости из раскопок

В лаборатории; слева направо: Н. Н. Мамонова, М. М. Герасимов, Т. С. Сурнина, Г. В. Лебединская, Л. Б. Славочинская. 1950-е годы

На вечере у антропологов; справа — Г. Ф. Дебец. Начало 1960-х годов

мезолитического могильника на Украине у села Васильевка на Днепре, которые осуществлял украинский археолог Дмитрий Яковлевич Телегин: кости были столь плохой сохранности, что, если бы не участие квалицифированных специалистов, владеющих методами консервации, археологу не удалось бы их собрать. Позже этот материал широко использовался палеоантропологами, а Лебединская и Сурнина сделали несколько скульптурных портретов людей мезолитической эпохи на Днестре.

Лаборатория только что получила помещение и переехала в подвал на Пятницкой улице. Помещение было тесное и сырое, но радости не было пределов.

Были сделаны стеллажи, и реконструкции наконец заняли на них свое место, радуя посетителя разнообразием лиц и выражения: на каждого входящего со стеллажей глядела история. Помимо маленького «предбанника», куда вел вход с лестницы, уходившей вниз с площадки первого этажа, было две комнаты — крохотная, оборудованная под кабинет Герасимова, и более вместительная, где работали сотрудники. Все вместе, как ни странно, казалось дворцом. Надо думать, именно это ощущение способствовало тому, что в помещении лаборатории стали устраиваться приуроченные к тем или иным праздникам вечера, на которые приглашались сотрудники Сектора антропологии и ближайшие друзья из Института антропологии МГУ. Программа вечеров состояла не только из застолья, к каждому вечеру приготавливался какой-нибудь художественный «гвоздь»: то портретная маска Дебеца на специально оборудованной сцене открывала рот в унисон тексту, читавшемуся за занавесом, причем маска эта была до жути похожа на оригинал, который сидел тут же и хохотал; то частушки, высмеивавшие характерные черточки в поведении гостей,— в них доставалось всем, что и вызывало всеобщее ликование; то специально сочиненные на известные мотивы задушевные песни, воскрешавшие те или иные экспедиционные эпизоды. Герасимов очень любил и поощрял инициативу сотрудников, с удовольствием вспоминал перипетии очередного вечера, много смеялся даже потом. Всем участникам было весело и интересно, воспоминания об этих вечерах, устраиваемых и в Институте антропологии, сохранились надолго.

(Продолжение следует)

Talks (part 4)

Our journal is publishing in 1993 since № 1 the manuscript of V. P. Alekseev «Talks». This memoir tells about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is well-known as a creator of the method of face reconstruction on the base of skull, author's contacts with him and his colleagues, also striking scholars.

The fourth part of the manuscript is published in the present issue.